

Елена Владеева

Потерянная перчатка



16+

Елена Владеева

Потерянная перчатка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67884768

SelfPub; 2022

Аннотация

Мечты на исходе пятого десятка, на смех повзрослевшим детям и надзирающей жене? Счастливые грезы, убаюкивающие на волнах давней мелодии и уносящие от реальности, что незыблемо поджидает на берегу твердыней будней... А ведь наверняка существует где-то «она», как две капли похожая на придуманную им любимую женщину.

Содержание

Утро.	4
День.	11
Вечер	16
Ночь.	22
Утро.	27
День.	29
Вечер.	31
Ночь.	35

Елена Владеева

Потерянная перчатка

Утро.

"Как хочешь, а я поплыла, очень жарко..." – Наташа легко, почти не плеснув, скользнула с их каменного островка по влажному шелку водорослей, и неожиданно оказавшись с другой стороны, вдруг хлестко ударила ладонями по воде, обдав его веером сверкающих брызг. "Ну, теперь держись у меня!" – стряхнув блаженную дремоту, шутливо пригрозил Александр Дмитриевич, вдохнул побольше воздуха и нырнул с нагретого полуденным солнцем камня. Приятно освежившая вода была удивительно прозрачной, на дне отчетливо виднелись извивы песчаных волн, чуть колышущиеся подводные оазисы и верткие стайки мелких рыбешек. Далеко вынырнув, почти у выхода из маленькой бухты, он быстро догнал Наташу, Натали – свою гибкую, искрящуюся мокрым телом русалку. Поняв, что уже не уплывет от него, она со смехом обернулась и сразу обняла за шею, просияв серыми глазами, отразившими все изменчивые цвета моря, и подставив для поцелуя нежные губы.

В этот момент, по закону подлости, чудесный сон начал постепенно таять и отхлынул, бросив его огорчено вздыхать

на отмени реальности... Сейчас над ухом должен заверещать неотвратимый будильник. И тело, помимо еще сопротивляющегося сознания, напряжилось суетливым угодливым спаниелем, готовое по команде "Ищи!" продираться по топи сквозь заросли осоки, и кинувшись в холодную воду, плыть за добычей и в зубах принести ее хозяину. Но тиран-будильник почему-то молчал. И Александр Дмитриевич вспомнил, что сегодня долгожданная суббота! Он мысленным щенком доверчиво перевернулся кверху животом и радостно задрывал всеми четырьмя лапами. Потом, сладко зевнув наяву, с наслаждением потянулся... Наташа дышала рядом совсем неслышно, значит его милая девочка еще спала.

Наташенька – моя нежная пушинка, танцующая на ветерке, снежинка на ресницах, ромашка на июньском лугу, ласкающий ночной шепот... Натали – мой легкокрылый ангел, изысканные лепестки лилии, весенняя капель, тонкие изящные пальцы. Вся прелесть, если она еще сохранилась в потайных уголках его жизни, все не тускнеющее и не обесценившееся с годами, все немного волшебное среди пустынной житейской скуки это его любимая Наташа. Ее лучистые глаза, озаряющие радостью и цветущей красотой все вокруг. Легкие, одним неувлимым движением подобранные заколкой светлые волосы с очаровательными пушистыми завитками на висках и затылке. Когда он целует ее там, в ложбинку шеи, она иногда смеется, что лучший ее ракурс – вид сзади. Хорошо, если бы сейчас Наташа спала на спине, тогда...

Не поворачиваясь и не открывая глаз, Александр Дмитриевич представил, как осторожно отогнув краешек одеяла, чуть прикоснется... Нет, сначала всласть налюбуется на ее грудь – он не встречал формы совершенней и желаннее, а ему было с чем сравнить! – и только потом прикоснется поцелуем, тихонько, чтобы не разбудить раньше времени.

Словно почувствовав неладное, жена шумно заворочалась в постели и бурно откинула со своей стороны одеяло. "И отъелась же ты, мать! Все малину мне испортила..." – с досадой буркнул про себя Александр Дмитриевич, уткнувшись лицом в подушку с ядовито-лиловыми пальмами. Татьяна и вправду заметно раздобрела за прошедший год, и ей всегда теперь было жарко, хотя ничего удивительного, тоже недавно полтинник стукнул. И затылок вечно жестко-стриженный, выкрашенный в темный цвет. Ладно, мечты о Наташе оставим до вечера, а сейчас придется в дела впрягаться, труба зовет...

Первое – надо пилить с женой в универсам и загрузить полный багажник продуктов на неделю. С тех пор, как Татьяна шесть лет назад сломала руку, она в магазин почти не ходит и тяжелее хлеба и пачки масла ничего не носит. Еще и шипит: "А когда мне? Весь день у плиты, да еще Матвейку мне все норовят подкинуть." Это правда – их старшая дочь родила уже второго пацана, и двухлетнего Матвея даже ночевать иногда оставляла у бабушки с дедом. Малыши, конечно, забавные и трогательные создания, но беспокойства от них

очень много. А родители-молодожены сначала целый год все мерились характерами и перетягивали канат амбиций. После одной, особенно бурной сцены Настя и домой возвращалась, но потом, народив двух детей, окончательно заломала мужа, и они угомонились. Точно, вся в мать пошла.

Татьяна его тоже на свой лад перековала, правда другим манером – вкрадчивым, как и положено приезжей в столицу из маленького городка. И пока он умилялся, какими ласковыми кругами эта симпатичная девушка вокруг него вьется, оказалось, что она уже опутала его тонкой шелковой ниткой, как того слона из притчи или еще кого-то крупного, так что ни рукой, ни ногой не шелохнуть. А когда попытался дернуться на волю, было уже поздно по всем срокам, и он женился, как честный человек, к беспомощному ужасу своей матушки, деликатной библиотечарши.

Да, кстати завтра надо еще заезд к ней сделать по части снабжения, а это уже через всю Москву тащиться. И пора что-то решить с ее операцией катаракты, пока она окончательно не ослепла на один глаз, но куда отдаться, чтобы хорошо сделали? И не забыть в аптеку заехать, купить это дорогое лекарство для сосудов, которое ей посоветовали. Еще Татьяна наверняка сегодня велит им со Стасом квартиру пылесосить, но сынок, как водится, куда-нибудь срочно умчится по звонку.

В последнее время Стас их очень беспокоил, а все началось с появления новых соседей по лестничной площадке.

Однажды Александр Дмитриевич оказался с ними в лифте, и пока поднимались наверх, хорошо разглядел. Это была невообразимая пара – вылитые Карлсон и фрекен Бок! Она выше мужа на полголовы, да еще с наверченным на темени узлом вытравленных до пакли волос, и самым широким местом фигуры – на бывшей талии. А он – такой же пухлый, и с всклоченной макушкой, но роста ему это не прибавило. Фрекен Бок – ее потом всей семьей они так и называли – была высокомерная дамочка из тех, к кому, как говорится, и на кривой козе не подъедешь, включая собственного мужа. Зато Карлсон изо всех старался пойти на контакт, причем было ясно, что стоит ему приоткрыть маленькую щелку двери, как просочившись, он уже через минуту будет сидеть за вашим столом и под разговоры уплетать плюшки с вареньем. Но родители – это все были цветочки, а ягодки... Вернее одна "ягодка" в лице их дочки – ядреной девицы в возрасте на выданье, с волоокими надменно-томными глазами. Иначе, чем вульгарное слово "телка", ей трудно было подобрать определение, но "телка" многообещающая – странно, что эта красотка могла уродиться у таких предков!

Когда недавно утром они со Стасом встретились с ней на площадке у лифта, сын буквально потерял ориентацию в пространстве. Как уставился на ее роскошный – в мамашу! – бюст, так и пялился зачарованно, совершенно забыв, куда и зачем надо идти... Выходя из лифта, она медленно повернулась и пошла, играя обтянутыми бедрами и давая зрите-

лям счастливый шанс запечатлеть в уме произведенное ею впечатление. Для Стаса это был полный нокаут, сын гипнотически лез в пасть к удаву... Даже Александр Дмитриевич ощутил некоторое известное перераспределение крови в организме, и счел за благо подвезти свое ошалелое чадо поближе к институту, а то, как бы не вздумал дожидаться ее у метро – с него станется. Хотя понятно, что в любовных делах подстраховаться невозможно.

Потом выяснилось, что даже имя у роковой оболъстительницы весьма подходящее – Алиса, а неказистый общительный Карлсон – всего лишь ее отчим. М-да, сказочная семейка... Главное теперь, чтобы их двадцатилетний балбес не оказался в роли глупого Буратино. Правда, в бестолковости он и в детстве не был замечен, но разве можно равнять мирное время с гормональной атакой безрассудного влечения? Пока же он с энтузиазмом порывался то вынести мусор – когда это раньше его допросишься! – то сходить за хлебом, то вдруг задружил с бывшим одноклассником Максом со второго этажа, к которому стал забегать каждый день, от него же и получил первые сведения о своей оболъстительнице. То вызывался спуститься к почтовым ящикам, чтобы проверить, не принесли ли квитанцию за квартплату – и откуда он вообще узнал, что таковые существуют? В довершение проблемы Александр Дмитриевич уже пару раз случайно заставлял сына, подсматривающего в дверной "глазок" за соседской дверью напротив.

Из-за этой девицы Стас, похоже, совсем забыл свою подругу Олю, милую интеллигентную девочку, тоже бывшую одноклассницу, живущую через подъезд в их же доме, которую без малейшего опасения можно было представить в роли невестки. И отношения у них вполне теплые, хотя слишком ровные для серьезного чувства, по крайней мере со стороны Стаса. И похоже, что они не думали переступить грань физической близости, у Оли в глазах еще светился застенчивый вопрос – верный признак, отличающий девушку от женщины, для которой не осталось тайн. Очень жаль, если сын с ней расстанется... Александр Дмитриевичу нравилась тихая Оля, и он не терпел самоуверенных, напористых амазонок, особенно за рулем – никогда не угадаешь, каких выкрутасов от них ждать.

День.

"И что за радость мне с того, что ты добрый и хороший? Объясни хотя бы вкратце, почему я должна дышать твоим перегаром? Не припомню, чтобы мне назначили такое наказание." – и не дожидаясь тяжелого ответного вздоха, Наталья нажала "отбой" на телефоне, в который раз подумав: "Дурак ты, Лёшечка..." Она на дух не переносила подвыпивших мужчин – не видела ни одного человека, который не поглубил бы на глазах после возлияний. Ее отец, когда-то отправившийся на поиски нового счастья, вообще, кроме бокала хорошего вина в праздник, ничего не пил. А такие разговоры с мужем, которого она выпроводила жить к матери, повторялись примерно раз в две-три недели уже полгода. Окончательно разводиться пока не предполагалось – время от времени в домашнем хозяйстве требовалась мужская сила, да и лень было суетиться.

Изредка Леша появлялся лично, покаянно напрашивался попить чайку и жалобно канючил, чтобы ему разрешили погостить хотя бы одну ночь, но у Наташи это вызывало только раздражение или смех, в зависимости от настроения. А дочка, выходя на кухню, тоже чуть насмешливо поглядывала на отца и весело, заговорщически – на маму, и под ее взглядом Наташа твердо отправляла мужа обратно, поскольку девочке нужен пример последовательной семейной политики.

Она никогда не испытывала к Леше ни малейшей страсти, зато и мучительные страдания тоже отсутствовали, так что ее замужество нельзя было назвать совсем неудачным. Они поженились как-то не всерьез, полущутя, когда Наташа горестно переживала равнодушие красивого парня, в которого она была отчаянно влюблена, и про которого нафантазировала себе невесть что... И которому посвятила свои первые стихи.

И сердце рванется при виде тебя, дыхание собьется при виде тебя,

Но ты улыбнешься, маня и губя, и вновь отвернешься, совсем не любя.

Лечу под откос – не поможет совет, я бьюсь над вопросом, хоть ясен ответ.

Длиннее твой список любовных побед – короче мой список оставшихся бед...

Тут и возник случайно Леша с своими трогательными ухаживаниями и сказал: "Возьми меня замуж, я хороший..." Тогда Наташа обрадовалась ему и отогрелась рядом душой, с ним было легко, они чему-то все время смеялись, возможно потому, что Леша очень артистично рассказывал анекдоты. Особенно запомнился такой: "Жил человек, полнейший неудачник, за что ни возьмется – все мимо... Однажды не выдержал он и в сердцах возопил к небу: "Господи, за что ты меня караешь? Скажи, что плохого я сделал?" Отодвинулась вдруг тучка, и раздался сверху громовой голос: "Ну, не нра-

вишься ты мне!"

Правда, смеялись они недолго, их брак оказался каким-то ненастоящим, без злого умысла поддельным, вроде морковной котлетки вместо ростбифа – пресно и безвкусно, а есть-то хочется... И понимаешь, что твой долгожданный заказ, при мысли о котором слюнки текут, все равно не принесут никогда. Остается утешаться, перефразируя поговорку "в чужой руке и синица – птица", чтобы не было соблазна кому-нибудь позавидовать.

А других вариантов на тот момент было не густо, если только пытаться сменить шило на мыло. И бытие многое в отношениях людей определяет. Вот, например сейчас – давно уже барахлит дверной звонок, и начал капать в ванной кран, а как только потечет струйкой, придется звать благоверного. Ну, и отблагодарить соответственно, для грядущих трудовых усилий. Вообще-то Леша нормальный мужик, действительно добрый, даже ласковый, дочку любит и о них в меру сил заботится, но вечный мальчик – младший сын в семье, и ее моложе на три года, наверно, оттого и держится непутевым подростком.

А еще всегдашние друзья на работе с отмечаниями оконченных заказов, особенно загородных, и прочими веселыми поводами. Правда, теперь заказов стало несравнимо меньше, и соратники принялись заливать грусть-печаль... Муж сначала подвизался по мебельному, а теперь по оконно-балконно-верандному делу. Споры нет, руки у него приставлены,

как надо, но лишь для конкретной, реальной работы: строительство и починка родительской дачи, ремонт в квартире, пригляд за машиной, а в жизни на Лешу положиться нельзя. Или пальцы у него слишком чуткие, артистичные? Не своим делом, видно занят – ему бы на рояле играть, а не тяжелой дрелью с перфоратором шуровать.

Вот Сашиним рукам она всецело доверила бы свою жизнь, с легкостью, не раздумывая – настолько они верные и надежные! Она поняла это мгновенно, когда он в первый раз протянул ей руку, выходя из автобуса. Нет, даже еще раньше, когда Саша оказался совсем рядом с ней в утренний "час пик". Как давно, оказывается, они знакомы – еще до появления в их районе метро... А однажды им посчастливилось – достались два местечка на задней площадке, и они взахлеб прошепсукали всю дорогу до нужной остановки, как давно не видевшиеся близкие друзья, и все-таки не успели поговориться... Решили встретиться в ближайшие выходные и съездить куда-нибудь в тихое, душевное место – Кусково или Коломенское. С этого началась их любовь... "А в пруду зеркально-гладком отражен дворец-игрушка, соловьи самозабвенно уходящий славят май..."

Ничего, скоро Саша должен вернуться, и сразу пройдет ее грустное настроение, и все наладится! А пока есть интересные книги, можно раскроить к лету новое платье, а то ведь не успеешь оглянуться... Еще она давно хотела поискать в Интернете и записать хорошую музыку, что-нибудь для се-

бя зарифмовать, чтобы напевать между делом. И принимаясь за послеобеденную посуду, Наташа замурлыкала мелодию "Жизнь в розовом цвете", на припев которой недавно сочинила слова.

И... однажды я проснусь, как птичка весела,
и будет воскресенье...

Милый голос – как спала? -

и я сойду с ума от этого везенья!

Не приоткрывая глаз, мурлыкаю: "прекрас..."

"...но" стихнет в поцелуе...

И никого, кроме нас, в мире нет,

forte закончу последний куплет, и...

Будет день, когда проснусь,

и снова удивлюсь – не грежу ль наяву я?..

Вечер

.
Dance me to your beauty
with a burning violin
Dance me through the panic
'til I'm gathered safely in
Lift me like an olive branch
and be my homeward dove
Dance me to the end of love
Dance me to the end of love

Низкий, устало-чувственный голос Леонарда Коэна завораживающе уносил Александра Дмитриевича в давнее и глубинное... Даже не в юность – тогда они его песен почти не знали, а в какую-то сокровенную тайну души, неведомую самому, которую ни в пьяном бреду, ни под пыткой никогда не доверишь другому. И скрипка! Она переливчато вступала после каждого куплета, не повторяясь в вариациях, с упоительной возносящей тоской перебирая по жилочке всю душу... И манила куда-то, обещая несбыточное, и плакала сквозь смех. Ею невозможно было наслушаться, как соловьиной трелью, когда с замиранием ждешь следующего восхитительного коленца и боишься, что чудо вот-вот оборвется...

Александр Дмитриевич случайно услышал едва знакомую ему песню "Dance me to end of love" сегодня днем в универсаме, катя вслед за женой тележку, доверху набитую продуктами. Уловилось едва слышное звучание – даже не мелодия, а словно дорогое воспоминание, теплой волной прошедшее по сердцу – и он решил, что обязательно запишет ее в айфон, чтобы всегда держать при себе и слушать. И сейчас он лежал, зачарованный, плененный этой музыкой, в их заветной комнате с задернутыми мягкими шторами и уютным светом ночника, куда спешил каждую минуту, выкроенную в будничной житейской суете. Наташа тихонько встала, накинула на себя что-то очаровательно-легкое с абстрактным рисунком, словно взмахнула радужными крылышками райская птица, и упорхнула в ванну. А он все слушал, уплывая мыслями вдаль...

С красотой своей танцуй и скрипкой огневой.
Протанцуй меня сквозь ужас – и найду покой.
Как оливы ветвь, голубка, к дому возврати.
Танцуй нас до конца любви.
Танцуй нас до конца любви.

Ему с грустью подумалось о вечной обреченности людей. О том, не объяснимом словами счастье, про которое нам зачем-то поведали еще за гранью – до нашего рождения на свет, и о существовании которого мы упрямо и наивно пом-

ним сквозь все земные обманы. И разбиваем лбы о призрачные мечтанья, надеясь на счастливый жребий, когда кажется, что удержишь его в горсти, или пытаешься добыть невозможное своими убогими силами...

Но разве эта натужная суэта имеет отношение к счастью? Тогда для чего и для кого все это мельтешение? Чтобы превратиться в ходячий кошелек для жены? Как давно он устал тащить этот воз... Ведь человеку нужно совсем немного для жизни и покоя в душе. Хотя, усаживаясь в свой серебристый Фольксваген или включая телевизор размером в полстены, он испытывал иногда приятное удовлетворение, но все же – не настоящую радость. Душа требовала совсем другого, чего-то высокого, нездешнего – точно не материального, но очень простого. Иногда до обидного простого.

Нам станцуй сегодня свадьбу, и всё – что вдали.
Потанцуй мне очень нежно, дольше танец дли...
То своей любви мы ниже, то над ней парим.
Танцуй нас до конца любви.
Танцуй нас до конца любви.

Вернулась Наташа, присев на край постели, начала одеваться, чуть слышно подпевая Коэну, и Александр Дмитриевич, как всегда, залюбовался ею. Ему нравилось все, что она делает, красивая и утонченная, когда причесываясь даже без зеркала, неуловимым привычным движением подхваты-

вает заколкой струящиеся по плечам светлые волосы. Или запахнув на талии райское одеяние, с изысканностью дамы галантного века наливает чай в тонкие чашки с парой танцующих журавлей, придерживая крышку чайника изящной рукой с жемчужным колечком. Или неторопливо одевается, словно античная нимфа у ручья, целомудренная и не ведающая смущения в своей чистоте. А вот раздевание любимой нимфы было его сладостной привилегией. Он никогда не пресыщался этой игрой-увертюрой их встреч, когда, щелкнув крошечным замочком, который не сразу и найдешь на ощупь, освобождал из атласно-кружевного плена по-девичьи нежную грудь, мгновенно отзывающуюся на поцелуй, к его почти юношескому нетерпеливому восторгу.

Прикоснись рукой
или перчаткою прильни
в танце до конца любви...

– Саш, выключай свой компьютер, иди ужинать. Слышишь? Давай быстрее, а то все остынет!

– Сейчас иду... чтоб тебя! – Александр Дмитриевич резко черкнул курсором по экрану, закрывая страницу с песней, и даже "мышью" стукнул об стол от досады, хотя бессловесная зверушка ни в чем не провинилась.

Когда от накопившегося раздражения дома становилось невмоготу, и уже не спасали мечтания о выдуманной Ната-

ше, то под видом посещения матушки или другим благовидным предлогом, Александр Дмитриевич ехал к вполне реальной, безнадежно одинокой Ларисе. Раньше, в молодые годы совершая заходы "налево", он отправлялся по разным адресам, а теперь – к ней, своей давней, все понимающей, проверенной временем и непростыми обстоятельствами, подруге, с которой и музыкальные вкусы их редкостно совпадали. Когда-то он исподличался до пошлейшего вранья – мол, как только подрастет сын и окончит школу, тогда он будет свободен... В общем, заезженная классика жанра... И Лариса через несколько месяцев жгучей обиды даже этот грех ему простила, правда, теперь встречала довольно равнодушно.

Он и матушку, конечно, навещал, хотя не так часто, как той хотелось бы, но у нее нельзя было посидеть в полном отдохновении, сразу начинались суетливые хлопоты с ужином-чаепитием и опекунские разговоры о нем самом и великовозрастных внуках. Собственными проблемами со здоровьем матушка старалась его пореже беспокоить. Но Татьяна все равно обижалась на его отлучки, ревнуя к матери, с ехидной улыбочкой называла его маменькиным сынком, и беспардонно-унизительно проверяла поездки к ней по городскому телефону.

О своих родных в провинции она вспоминала лишь в дни рождения и под Новый год, и быстро пресекала их поползновения – видеть ее в роли заботливой наседки, крепко осевшей в столице и хлопчущей о судьбе младшей сестры. Од-

нажды Александр Дмитриевич решился рвануть на волю и сбежал к матушке, но Татьяна очень крепко ему "надавила коленом на слезные железы": брошенный сын, сердечный приступ, потерянная совесть... В ход пошли загубленная карма, неотвратимая расплата в старости и чуть ли не Страшный суд – в итоге через месяц, с истрепанными вконец нервами, он вернулся в семью.

Ночь.

Наталья одобрительно улыбнулась своему отражению в слегка затуманенном паром зеркале – с фигурой женщинам в их семье повезло. Они пошли в родню дедушки, мамино-го отца, и в память о нем же, всем досталась прелестная чечевичная родинка на талии. Наташа сняла заколку и качнула головой, расправляя легкую волну светлых волос, целый день пробывших в заточении. Накинула халатик-кимоно, которое сшила из двух шелковистых платков-батик, расписанных акварельно-прозрачными цветами и веерами, полюбовалась в зеркало – очень симпатичное получилось.

А ведь второй такой век уже не будет -
Чуть обернувшейся в вечернем зазеркалье,
С не идеальным носом и девчачьей грудью,
Ступнею, вечно узкой для любых сандалий...

Наташа выключила везде свет и заглянула к маме спросить – как ее давление? – и пожелать спокойной ночи. Из-под Олиной двери свет уже не пробивался, но непохоже, чтобы она спала так рано. В последнее время ходит очень грустная, неохотно сказала, что у них разладились отношения со Стасом, он вдруг стал избегать встреч с ней, ссылаясь на занятость учебой, но она чувствует, что врет. Что ж, надо чело-

веку иногда и всплакнуть без посторонних глаз...

Наташа мимоходом погладила белого, изрядно зацелованного мишку Джонни, почему-то обосновавшегося не в дочкиной, а в ее комнате, оставила тикающие часы подальше в угол – ведь завтра выходной, и поплотнее задернула шторы от пронзительно-фиолетовой рекламы SPA-салона, имевшей обыкновение прокрадываться узкой светящейся полосой к ней на подушку. Блаженно нырнув под одеяло, вытянулась и накрыла глаза ладонями... Она старалась не забывать про вечерний "пальминг" хотя бы на пять минут – у всех корректоров рано начинаются проблемы со зрением. Теперь наступало только ее заветное время – ее и Саши, мечтаний о нем... Уже скоро он приедет, и она наяву обнимет его. А возле кровати ее тапочки с голубыми помпонами будут ласково прижиматься к его клетчатым шлепанцам, и даже их зубные щетки на полочке в ванной трогательно склонятся друг к другу.

Ей вспомнился летний вечер, когда после заката они сидели вдвоем, тихо о чем-то разговаривали, а из магнитофона глуховато-волнующий буйновский полушепот уговаривал в песне "Потанцуй со мной, я сегодня твой..." Вдруг Саша нежно привлек ее к себе на колени и трогательно поцеловал. Не дерзко – в губы, даже не в шею, а руку чуть ниже плеча... Это было так восхитительно, что на несколько мгновений перестав дышать, как на облаке, она воспарила в немыслимое счастье! А вместе с не испытанным прежде чувством,

мелькнул вопрос – что предвещал этот первый поцелуй, такое начало их романа? Наташа вывела для себя маленькую теорию, что первый поцелуй довольно точно предсказывает будущие отношения, все дальнейшее развитие сюжета.

В Саше она ощутила благородную рыцарскую почтительность, преклонение перед своей Дамой сердца. И не ошиблась! Он до тончайших нюансов знал все, что ей нравится, даже лучше, чем она сама, и никогда не спешил, терпеливо и любовно поднимая ее к высшей точке ожидания, с которой она взмывала ввысь, и откуда они летели уже вместе, в окутывающей их и все застилающей на своем пути лавине неземного блаженства...

А как они в первый раз поцеловались с Лешей, помнила довольно смутно, кажется, по-детски неловко и немного дурашливо, как все у них. Зато незабвенный, обожаемый красавец так запечатлел судьбоносный момент, что у нее закружилась голова, остановилось дыхание, и земля уплыла из-под ног, почти как в сентиментальных романах, и томительная, призывная страсть натянутой струной запела внутри. Такое с ней было лишь раз в жизни. Правда, красавец очень быстро уплыл. Но ничего, пережили... Наташа повернулась на бок, обхватила рукой подушку и приготовилась засыпать, но в памяти предательски всплыли его последние слова: "Может, тебе еще повезет, хотя честно сказать, среди нашего брата...", и мысли невольно вернулись к Оле.

Какая судьба ждет ее девочку, что за лотерейный билет

она вытащит в жизни? Увы, их семья не могла похвастаться счастливыми женскими судьбами. В основном надежды и потери.

Летним снегом мошкара вьется под фонарным светом.

Не случайность, не игра – поиск вечного ответа...

К солнцу, к радостной судьбе льнут полночные глупышки

В изнурительной борьбе...

К счастью, ночь длинна не слишком -

Те июньских три часа, для которых в мир родятся,

И слепя мечтой глаза, на обман сиянья мчатся...

Путь назначен был такой хрупким, плюшевым созданием?

Или дерзкий спор с судьбой?

Вопреки насмешке – к тайне!

Опять некстати взгрустнулось. Наташины мысли возникали одна из другой, словно выдвигалась антенна у транзистора, ловя все новые непредсказуемо-наплывающие звуки... Ничего, уже совсем скоро он вернется. В своих фантазиях о Саше она не раз пыталась придумать для него профессию – убедительное, конкретное занятие, но все не подходило ему то по характеру, то по ситуации, и Наташа махнула рукой, остановившись на чем-то неопределенно-техническом, с вынужденными командировками. Просто уезжает надолго и приезжает – работа такая. А она его ждет, вспоминает и мечтает...

Правда, за полгода изгнания мужа, со снисходительной иронией к самой себе, Наташа сыграла в переглядушки с редактором из соседнего отдела, который давно уже делал ей глазами недвусмысленные авансы. Он был внешне симпатичен, но недостаточно знаком, и вообще служебный роман мог сулить больше проблем, чем радостей. И когда поклонник ринулся на всех парах к намеченной цели, ей пришлось сделать такое недоуменное и насмешливое лицо, что он оскорбленно умолк на полуслове. Хорошо, что им не надо напрямую соприкасаться по работе, а то ее шутка могла бы иметь неприятные последствия.

Утро.

"Что ни говори – почти настоящая весна! Жаль, что ночью снег выпал, теперь слякоть под ногами, но все равно уже конец марта. Вот и синица в палисаднике свистит не по-зимнему "синь-синь", а многократным заливистым "фюить, фюить, фюить, фюить...", и около кормушки на окне они уже не крутятся, разлетелись по весенним птичьим делам. Да, хорошо, что я сегодня перчатки взяла, а не варежки." Наталья торопливо вышла из дома, на ходу натягивая кожаную перчатку. "Вечно эта кнопка расстегивается, а я опять я забыла ее подправить осенью." Она попеременно смотрела то на капризную перчатку, то опасливо – себе под ноги, поскольку тротуара здесь не было, и приходилось лавировать между кисельно-снеговых луж, огибая беспорядочно припаркованные машины.

Вдруг у соседнего подъезда на нее сзади чуть не налетел вплотную промчавшийся джип в боевой раскраске. Наташа, испуганно ойкнув, метнулась в сторону – прямо на стоящую рядом машину, даже ногой о бампер ударилась и с размаху оперлась рукой о капот. И хозяин серебристого авто, протививший в тот момент ветровое стекло, тоже сильно дернулся от неожиданности, буркнув: "Совсем озверели!", и невольно почти прижался к Наташе, а их руки оказались рядом. Она почувствовала жаркую волнующую неловкость, как в ранней

юности и молча оттолкнулась от машины. Мельком глянув вниз, на сапоги – не очень ли их забрызгало? – заспешила дальше к метро. Буквально через несколько шагов обнаружила, что нет второй перчатки, но от необъяснимого смущения не могла заставить себя вернуться. "Так глупо вышло... Но какая знакомая у него рука, прямо-таки родная! А лица, жаль, не увидела. "

День.

"Как же мне лучше написать?" – Александр Дмитриевич, в отсутствие шефа, сочинял объявление о подобранной около машины серой перчатке. Он даже не сразу ее заметил на снеговой жиже с бензиновыми разводами, только уже садясь за руль и отряхивая ботинки. Бережно поднял, как подстреленную птичку, сразу поняв – чья она, тщательно промокнул бумажными платочками и положил сохнуть рядом, на правое сиденье. Всю дорогу до работы, на светофорах он искоса поглядывал на потерянную бедняжку, мечтая разыскать ее торопливо исчезнувшую хозяйку.

Он не успел разглядеть лица той женщины, она сильно наклонила голову, и перед глазами мелькнул только капюшон легкого пальто. Но врзалась в сознание благородная рука с тонким жемчужным колечком, оставившая на мокром капоте скользящий след. Именно такую руку он представлял себе в мечтах о Наташе. Интересно, кем она работает? Ему, технарю, почему-то хотелось, чтобы профессия незнакомки была связана с книгами – может быть, редактор в издательстве или художник-оформитель, непременно талантливый, или переводчица. Так быстро убежала, торопилась... Она, конечно, живет в нашем доме, раз выходя, еще перчатки не успела надеть. А шла с той стороны, значит надо клеить объявление на первые три подъезда.

"Напишу так: найдена женская... и так далее, перчатка. Просьба обращаться в квартиру номер NN. Нет, с ума я что ли сошел – какая квартира? Татьяна меня сразу убьет! Надо по-другому – просьба звонить по телефону... мобильному, конечно. Хм, представляю себе картину – семейный ужин, звонит мой телефон, и "Добрый вечер! Ах, перчатка... Да-да, можем с Вами сейчас встретиться." И опять мне будет секир-башка. Пожалуй, напишу так: просьба позвонить по мобильному телефону с 9 до 18 часов. В рабочее время с разговором меня не застукают, а выйти из дома смогу, прогуливая собаку." Александр Дмитриевич с мальчишечьим трепетом и азартом набрал текст летящим курсивом и запустил принтер.

Вечер.

Возвращаясь с работы, Наталья неторопливо шла вдоль дома, чуть постукивая каблучками. Какой-то парень, обгоняя ее, заинтересованно оглянулся и помчался дальше. "Да, мальчик, скоро уже сорок пять..." – польщенно и грустно улыбнувшись, подумала она. На двери соседнего подъезда заметила белоснежный листок объявления. Не иначе, завтра воду отключат, надо маму предупредить! И на их подъезде белело такое же. Доставая из сумки домофонный брелок, Наташа начала читать, и ее обдало жаром... "Сегодня утром около дома найдена кожаная женская перчатка, серого цвета. Потерявшую просят позвонить по телефону №..... с 9 до 18 часов." Неужели это ОН, когда-то придуманный ею "Саша", у которого такие волнующе-знакомые руки, реально существует и живет в этом же доме и сейчас с трогательной заботой ищет ее?! Фантастика!

Но тут же проскользнул непонятный, еще не вполне осознанный холодок, остудивший голову – "звонить с 9 до 18 часов". Так строго? Противный холодок сполз куда-то под ложечку... Она не могла объяснить, вернее, признаться себе, почему так оскорбилась этим обычным уточнением времени. Но поднимаясь в лифте, несколько раз повторила: "с 9 до 18". Значит вот так, категорически... А иначе грозная жена "ата-та" ему сделает? Понятно. Собственный жизнен-

ный опыт у нее был небогатый, зато по работе приходилось читать много душещипательных романов и психологических детективов, и она чутко улавливала малейшие нюансы людского поведения, непроизвольно выработав свой, почти детективный метод. "Что ж, ладно... И не претендую."

Дома, даже не переодевшись, Наталья вытащила из тумбочки закройные ножницы, погладила свою осиротевшую перчатку – на тыльной стороне был сквозной узор из мелких дырочек, очень ей нравившийся. Почувствовала, как глаза наполняются обидными слезами и грустно вздохнув, одним махом резанула перчатку пополам. «Космос любит символические жесты» – эту запомнившуюся фразу она прочитала в какой-то книге. "Вот так. Чтобы больше не мучиться глупыми фантазиями. И незачем сильно огорчаться, мало ли кто на кого похож." Прощальным жестом бросила половинки бывшей перчатки на кресло и пошла мыть руки. В коридоре щелкнул дверной замок, это дочка наконец-то вернулась от подружки.

– Привет, Олюнь! Как дела?

– Привет. Нормально...

А у самой голос унылый, лицо тоскливое, как у потерянной собаки, и еще что-то в нем неправильное. Да, глаза не подкрашены, зачем-то днем умылась, и немного припухшие... Понятно. Видно, ходила изливать душу Ане и плакала у нее, а потом умылась.

– Это хорошо, что нормально. Только не стоит слиш-

ком доверительно рассказывать подругам о своих неприятностях. На десять минут полегчает, а потом на годы можешь пожалеть, что откровенничала. Если уж сильно припечет, лучше мне поплачься – за пределы квартиры это не выйдет. А вдруг и что-нибудь толковое посоветую, наше поколение еще не впало в маразм и помнит сердечные дела – как оно в молодости бывало. Вот правильно, что смеешься!

– Да я вспомнила, какую картину сегодня видела. Возвращаюсь из института, смотрю – Сан Дмитрич, отец Стаса, клеит на наш подъезд объявление "Найдена женская перчатка." Ничего себе, думаю, с работы что ль для этого отпросился? Он ведь обычно поздно домой приезжает. Поэтому и смешно показалось, что ты про маразм вашего поколения сказала.

– Объявление клеил? Интере-е-сно! А хочешь, я фокус покажу? Тебе еще смешнее станет. – Наташа подтолкнула дочку к себе в комнату, взяла двумя пальцами, как мышат, половинки разрезанной перчатки и покачала перед Олей.

– Ой, мам! Зачем ты? Если б я раньше знала...

– Нет, все равно ей никогда не встретиться со своей парой. Именно с 9 до 18 часов я обычно занята.

Во взгляде дочери мелькнула настороженная догадка.

– Мам, ты что, с Александром Дмитриевичем... знакома?

– Так он Александр? Нет, откуда же...

Оля вопросительно смотрела, ничего не понимая.

– Я бы могла к ним сходить, взять...

– Нет, Олюшка, не будем мы за ними гоняться – я за пер-

чаткой, а ты за Стасом. Пойдем-ка лучше на кухню! Бабушка нам сегодня "шарлотку" испекла, чувствуешь запах? И мясо какое-то вкусное.

– А представь, если нашу перчатку бросить им в почтовый ящик?

– Представила, но объясняться пришлось бы тебе. И вообще, много чести им будет.

Улыбнувшись, Наталья развернула Олю за плечи и повела ужинать. Входя на кухню, обе уже смеялись, переглядываясь.

– Мамуль, вот и мы пришли. Чем порадуешь? Пахнет у тебя оч-чень соблазнительно!

Ночь.

– Поэтому тебя и позвала. Ты особо-то не мечтай, просто Оле сейчас очень важно чувствовать семейную поддержку.

– А тебе-то я еще нужен? Хотя немножко...

– Хотя немножко, конечно, нужен. Ничто человеческое мне... Леш, а я ведь будильник забыла поставить! Пошарь на тумбочке.

– Что-то не нахожу... Ладно, сейчас встану, заодно и компоту принесу. Хи-хи... кажется, я в твой тапочек пытаюсь влезть. А что ты так смеешься?

– Ну, можно иногда человеку просто повеселиться? Наплакаться с тобой еще успею... Ой, щекотно же!